

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 82.0. DOI 10.26170/ФК20-04-01. ББК Ш301. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.08

М. М. БАХТИН И РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ

Клинг О. А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается влияние русских символистов, в том числе Андрея Белого, на М. М. Бахтина. Становление его личности пришлось на эпоху, когда символизм в России заканчивал свою историю. Тем не менее, поколение Бахтина можно назвать постсимволистским, но поздним. Символисты многое привнесли в непреходящее по своей ценности культурное поле. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» упоминается целый ряд русских символистов. Их эстетические взгляды являются для Бахтина важным смыслообразующим контекстом. Сама идея рассматривать художественные произведения в плане эстетической деятельности, а не отражения реальности восходит к французским, а через них и к русским символистам. С полным правом можно говорить об особом, специфическом влиянии именно русского символизма, особенно в лице младосимволистов, на эстетические взгляды ученого. Русские символисты во главу угла ставили примат эстетического над действительностью. У Бахтина позже это трансформируется в эстетическую действительность. В связи с вопросом о смысле искусства Белый предвосхищал установленную Бахтиным связь пространства и времени с эстетикой. Бахтин ставит в центр всей своей эстетической системы человека. И эта идея, во многом воспринятая от символистов, французских и русских (Андрей Белый), предопределила многие дальнейшие построения в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Это подчеркивается в ключевых для ее названия словах «эстетическая деятельность». Белый предвосхищает также бахтинскую концепцию слова и языка, идеи его работы «Слово в жизни и слово в поэзии».

Кроме того, в исследованиях Бахтина встречается словарь символистов: «хаос», «гримасы», «личины», «маска». Темы «покрова», «снятия покрова» тоже неразрывно связаны с природой символизма и Белым. Эти и другие переключки Бахтина с Белым свидетельствуют о влиянии, которое оказали русские символисты на ученого.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский символизм; русские символисты; литературное творчество; эстетическая действительность; эстетические взгляды; литературная эстетика.

M. M. BAKHTIN AND THE RUSSIAN SYMBOLISTS

Oleg A. Kling

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

A b s t r a c t . This article deals with the influence that the Russian symbolists, including Andrey Bely, had on M. M. Bakhtin. His personality formed when the symbolist period of Russian culture was coming to an end. Still,

Bakhtin's generation can be called late post-symbolist. Symbolists made meaningful contributions to the endlessly important cultural field. The work "The Author and The Protagonist in Aesthetic Work" mentions a number of Russian symbolists. To Bakhtin, their aesthetic views provide important and meaningful context. The very idea of seeing literary works through the prism of aesthetics, instead of as a reflection of reality, stems from the French symbolists, and through them it came to Russian symbolists. It is certain that the Russian symbolists, especially those from the second generation, had a specific influence on the scholar. For Russian symbolists, the aesthetic component took precedence over objective reality. In the works of Bakhtin, it will transform into the principle of aesthetic reality. Regarding the topic of the meaning of art, Bely anticipated the connection between space, time and aesthetics proclaimed by Bakhtin. Bakhtin puts the person in the center of the entire aesthetic system. This idea, taken mostly from the French and Russian symbolists (Andrey Bely), predetermined most of the principles in "The Author and The Protagonist in Aesthetic Work". This is evident from the keywords of the title, "aesthetic work". Bely also anticipated Bakhtin's concept of word and language and the ideas of his work "The Word in Life and the Word in Poetry".

Besides, in his research Bakhtin uses numerous words from the symbolists' vocabulary: "chaos", "visage", "guise", "mask". The themes of the "veil", "removing of the veil" are also closely tied to Bely and the nature of symbolism. This and other connections in Bakhtin and Bely's work serve to corroborate the influence that Russian symbolists had on the scholar.

Keywords: Russian symbolism; Russian symbolists; literary creative activity; aesthetic reality; aesthetic views; literary aesthetics.

Для цитирования: Клинг, О. А. М. М. Бахтин и русские символисты / О. А. Клинг. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 9–17. – DOI: 10.26170/FK20-04-01.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00727A\20 («Влияние литературоведческого наследия русского символизма на теорию литературы 1910-х–1920-х гг.»).

For citation: Kling, O. A. (2020). M. M. Bakhtin and the Russian Symbolists. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 9–17. DOI: 10.26170/FK20-04-01.

Acknowledgements: the article is prepared as part of RFBR grant No. 18-012-00727A\20 ("The Influence of the Heritage of Russian Symbolists' Literary Studies on the Theory of Literature in the 1910s–1920s").

В сознании М. М. Бахтина¹ русские символисты не были центральными фигурами, но занимали все же большое место. Становление его личности пришлось на эпоху, когда символизм в России заканчивал свою историю. Тем не менее поколение Бахтина можно назвать постсимволистским, но поздним. Вероятно, решающими для Бахтина на этапе становления были футуризм и связанная с ним формальная школа, но возврат к символизму, в том числе его теоретико-литературному опыту помимо других аспектов, связанных с «синтетическим литературоведением» русских символистов, демонстрировал не только научную, но и общественную позицию. Хотя символисты пытались сотрудничать с новой властью (В. Я. Брюсов, Андрей Белый, А. Блок, др.), они были на периферии социокультурного пространства. Это было гибнущее, уходящее явление. По-

тому творческий диалог с ними был обращен не только в прошлое, но и в будущее, где нет сиюминутного, а только вечное. А символисты, в том числе русские, многое привнесли в непреходящее по своей ценности культурное поле. Именно в этом философско-этическом поле, обращенном к Большому Времени, осмысляет Бахтин в своей первой опубликованной работе – «Искусство и действительность» (1919) – события, казалось бы, сиюминутные послереволюционной эпохи. Актуальную в эту новую эпоху, но в то же время извечную тему «назначения поэта» Бахтин решает совершенно в отрыве от преходящего течения жизни: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [Бахтин 2003: 6]. В статье нет имен русских символистов (впрочем, не упоминаются и другие имена), но на уровне подводного течения влияние русского

¹ См. общие и специальные работы о Бахтине: [Алпатов 2005; Библер 1991; Бонецкая 2018; Ключева, Лисунова 2010; М. М. Бахтин как философ 1992; М. М. Бахтин: pro et contra 2001; М. М. Бахтин: pro et contra 2002; Махлин 2010; Попова 2009; Сломский 2013; Тамарченко 2011а; Тамарченко 2011б; Emerson 1997; Liapunov 1990; Materializing Bakhtin 2000 и др.]

символизма явственно угадывается¹. Нет упоминания символистов и во второй, отметим, не публиковавшейся при жизни статье Бахтина – «К философии поступка» (1918–1924), но они тоже узнаваемы в подтексте работы. Здесь, правда, есть Христос, Бог, Бергсон, Ницше, Риккерт, Данте, Шпенглер, Пушкин (ему посвящена значительная часть статьи). Но уже в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (1918–1924), тоже не публиковавшейся при жизни автора, упоминается целый ряд русских символистов. Правда, речь идет об их художественном творчестве, скорее это иллюстративный материал. Но и без этого перечня русские символисты, их эстетические взгляды являются для Бахтина важным смыслообразующим контекстом.

Сама идея рассматривать художественные произведения в плане эстетической деятельности, а не отражения реальности восходит к французским, а через них и к русским символистам. Конечно, в первую очередь именно французский символизм оказал решающее воздействие на культуру конца XIX – начала XX вв., в том числе на становление М. М. Бахтина, но с полным правом можно говорить об особом, специфическом влиянии именно русского символизма, особенно в лице младосимволистов, на эстетические взгляды ученого. В верховенстве эстетической деятельности над отражением жизни – коренное отличие модернистского искусства конца XIX – начала XX вв. от реалистического XIX в. Стефан Малларме, уже создавший свои поразившие современников символические произведения, но еще смутно ощущавший, что такое символ, писал в 1886 г.: «Неотъемлемая черта нашей эпохи – это стремление размежевать, в зависимости от цели, два состояния языка – непосредственно-данное, необработанное, с одной стороны, сущностное – с другой» [Поэзия французского символизма 1993: 424]. Жан Мореас в литературном манифесте, так и названном «Символизм» (1886), в общих чертах описывал новое искусство: «Символическая поэзия – враг поучений, риторики, ложной чувствительности и объективных описаний; она стремится облечь идею в чувственно по-

стигаемую форму; однако эта форма – не самоцель, она служит выражению Идеи...» [Поэзия французского символизма 1993: 430].

Эмиль Верхарн в статье «Символизм» (1887) подчеркивал: «Символ окончательно проявляется в идее: он сублимация ощущения и эмоций; он не показывает, а подразумевает, он отмечает частности, факты, детали, он самое высокое и духовное проявление искусства» [Поэзия французского символизма 1993: 431].

Так наметилась смена культурной парадигмы, которая по-своему проявится вскоре и в России. Кстати, французские символисты, а особенно Жорж Винор, исходили из многовековой традиции символа как религиозного. Это будет обостренно воспринято Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и другими участниками Религиозно-философских собраний, русскими младосимволистами. В целом же русские символисты, от В. Брюсова и его школы, как тогда писали, во французском духе до Белого, Вяч. Иванова и А. Блока во главу угла ставили примат эстетического над действительностью. У Бахтина позже это трансформируется в эстетическую действительность.

В статье «Смысл искусства» (1907) Белый писал: «Сущность искусства есть открывающееся посредством той или иной эстетической формы безусловное начало... при такой постановке вопроса углубление смысла эстетики неминуемо подчиняет искусство более общим нормам; в эстетике обнаруживается сверхэстетический критерий; искусство становится здесь не столько искусством, сколько творческим раскрытием и преобразованием форм жизни. Идя таким путем, сталкиваемся мы с многообразием существующих форм, приемов техники, не вмещающих смысла искусства, не вмещаемых в этом смысле. От смысла искусства следует отличать поэту формы проявления смысла в исторически сложившемся многообразии искусств; эволюция форм искусства, переживая эпохи дифференциации, интеграции и снова дифференциации, быть может регулируема общими нормами целесообразности. Если же мы проведем линию от конечных путей, к которым должно привести нас и искусство,

¹ Этой теме посвящено специальное исследование «Теоретико-литературные идеи русских символистов и М. М. Бахтин», над которым работает автор данной статьи.

к настоящему моменту и измерим достоинство многообразных форм конечным смыслом, мы неминуемо втиснем искусство в рамки рационализма. И потому-то смыслом искусства неопределимы существующие формы искусства» [Белый 1994: 147].

Незавершенная, дошедшая до нас не целиком, как уже отмечалось выше, работа Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» поразительно напоминает, особенно с дистанции времени, когда индивидуальное сливается в общее, стиль Белого-теоретика. Этим объясняется необходимость в данной статье столь обширной цитаты из Белого. Для сопоставления. У Бахтина в начале работы идут отточия. Кажется, что по своей стилистике и течению мысли это продолжение статьи Белого «Смысл искусства»: «...обусловлены временем жизни исследователя, а также чисто случайным состоянием материалов, и этот момент, вносящий некоторую архитектурическую устойчивость, имеет чисто эстетический характер...» [Бахтин 2003: 69]. Бахтину, как и Белому (он учился на естественном факультете Московского университета; один из его первых псевдонимов – «Студент-естественник»), близки подходы точных наук: «С точки зрения физико-математической время и пространство жизни человека суть лишь ничтожные отрезки – слово „ничтожный“ интонируется и имеет уже эстетический смысл – единого бесконечного времени и пространства...» [Бахтин 2003: 69]. Но и в связи с физическими понятиями «время» и «пространство», которые в искусстве трансформируются в «художественное время и пространство, не обратимое и устойчиво архитектурическое», Бахтин неотступно проводит мысль о том, что «...все эти слова для философа имеют ценностный вес, т. е. эстетизованы» [Бахтин 2003: 69]. Бахтин, как и Белый, подчеркивает, что речь идет «не о содержательном, а именно о формальном упорядочении временного и пространственного целого, не только фабулическом, но и эмпирико-формальном моменте» [Бахтин 2003: 69].

В связи с вопросом о смысле искусства Белый предвосхищал установленную Бахтиным связь пространства и времени с эстетикой: «Всякая эстетика есть еще и трансцендентальная эстетика в кантовском смысле, т. е.

она имеет отношение к пространству и времени; учение о расположении общих условий возможности эстетической формы есть учение о расположении в пространстве и времени» [Белый 1994: 149–150]. В связи с этим Белый продолжает: «...в усложнении форм мы определяем так называемое содержание; содержание с этой точки зрения выводимо из формы. Смысл, т. е. последняя цель всякого творчества, может явиться тут вспомогательным средством, освещая формальные условия эстетики тем или иным религиозным светом» [Белый 1994: 150].

Бахтин это называет «упорядочением смысла» [Бахтин 2003: 70] и прибегает к термину «архитектоника», о котором он впервые писал в работе «К философии искусства». По Бахтину, «архитектоника – как воззрительно-интуитивно необходимое, не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое – возможна только вокруг данного человека – героя» [Бахтин 2003: 70]. Это абсолютно новаторское открытие Бахтина, которому нет аналога у Белого. А вот дальнейшее рассуждение Бахтина («мысль, проблема, тема не могут лечь в основу архитектоники, они сами нуждаются в конкретном архитектурическом целом, чтобы хоть сколько-нибудь завершиться» [Бахтин 2003: 70]) тесно связано с построениями Белого в статье «Смысл искусства». Белый тоже не включал содержательный аспект в определение сущности искусства.

«За неимением строго разработанной логики искусств (предмет ближайших исследований теоретиков) мы поневоле очерчиваем область эстетики как самостоятельного целого, область теории знания и метафизики (всегда религиозной по существу). Тут содержание искусства мы принуждены рассматривать то как *форму*, то как *смысл*: в первом случае многообразие данных выводим мы из единобразия логических отношений пространства и времени; во втором случае освещаем это многообразие с точки зрения целей творчества. Наконец, краткости ради соединяем мы оба способа отношения, т. е. в формальных законах развития искусства предугадываем символический смысл» [Белый 1994: 150]. Как мы помним, у Бахтина «завершенное целое» возможно только в герое, у Белого – в симво-

лизме. Но векторы построения этого целого сходны. То, что у Бахтина возводится к «человеку», «герою», в другом месте – «кругозору автора» [Бахтин 2003: 70], у Белого – к «художнику»: «Творчество есть живой процесс деятельности; в него входит совокупность душевных способностей, осуществляющих единую цель. Только символ выражает эту совокупность; только в символизме – выражение творческой деятельности художника» [Белый 1994: 150]. Но и у Бахтина, и у Белого речь идет о конечном результате творческого усилия – отображении в искусстве человека, будь он герой (Бахтин) или «творческая деятельность художника» (Белый). Здесь нет различия автора и героя. Речь идет не об этом.

Не случайно еще одно сходжение – в связи с Кантом. «Всякая эстетика есть еще и трансцендентальная эстетика в кантовском смысле» – пишет Белый [Белый 1994: 149]. Бахтин считает интересной «задачей рассмотреть <...> архитектуру такого произведения, как „Критика чистого разума“» [Бахтин 2003: 70] Канта. Бахтин многократно оперирует термином «трансцендентный»: «трансцендентный фон» [Бахтин 2003: 99], «трансцендентные ценности» [Бахтин 2003: 141; 156], «трансцендентная форма» [Бахтин 2003: 216; 225; 258], «художественное трансцендентное завершение» [Бахтин 2003: 237], др. Конечно, этот философский термин восходит к Средневековью, Канту, но, как и символ, был актуализирован в начале XX в. символистами, в том числе Белым.

В свете трансцендентности Белый пишет: «Искусство есть творческая деятельность души, осуществляемая при помощи определенных путей работы преодоления материала». И тут же задается вопросом: «Но есть ли творчество еще и познание?» Белый отвечает на им же поставленный вопрос: «Познание входит в творчество». Но он разделяет «познание» и «знание»: «Иногда говорят, что искусство есть особого рода познание; говоря так, смешивают познание с знанием...» [Белый 1994: 155]. Белый не признает в искусстве «примата познания» из-за его рационалистичности [Белый 1994: 151]. Бахтин мог разделить эту точку зрения: «Эстетическое твор-

чество преодолевает познавательную и этическую бесконечность и заданность тем, что относит все моменты бытия и смысловой заданности к конкретной данности человека... Данный человек – конкретный ценностный центр архитектоники эстетического объекта...» [Бахтин 2003: 87]. Слово сочетание «познавательно-этический» встречается в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» много раз: в связи с «реакцией», «направленностью», «позицией», др. понятиями. Но каждый раз термин «эстетизованный процесс творческого индивидуума» [Бахтин 2003: 87] ставится выше их. Кстати, слово «эстетизованный» в самых разных комбинациях и контекстах чаще других встречается в работе «Автор и герой в эстетической деятельности».

Бахтин иллюстрирует сказанное им «об архитектурной функции ценностного центра человека в художественном целом» на анализе стихотворения Пушкина «Разлука» («Для берегов отчизны дальней...»; 1830). Этот разбор частично взят из его статьи «К философии поступка», но эти два разбора совпадают не совсем. Так, в статье «К философии поступка» анализ начинается следующим образом: «В этой лирической пьесе два действующих лица: лирический герой (объективированный автор) и она (Ризнич), а следовательно, два ценностных контекста, две конкретные точки для соотнесения к ним конкретных моментов бытия...» [Бахтин 2003: 60]. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» чуть по-иному: «В этой лирической пьесе два героя: собственно „лирический герой“ – в данном случае объективированный автор, и „она“ – вероятно, Ризнич, а следовательно, и две предметные эмоционально-волевые установки, два ценностных контекста, две единственные точки для отнесения и упорядочения ценностных моментов бытия» [Бахтин 2003: 71–72]. Комментаторы В. Ляпунов, В. Л. Махлин, Н. И. Николаев отмечали, что бахтинский разбор пушкинского стихотворения был вызван полемикой с «Задачами поэтики» В. М. Жирмунского (журнал «Начала», 1921, № 1)¹, где был анализ того же стихотворения Пушкина – «Разлука». Бахтин, воздавая должное Жирмунскому, в работе «К филосо-

¹ См. об истории создания статьи В. М. Жирмунского «Задачи поэтики»: [Клинг 2019б].

фии поступка», др., критиковал его за близость к формалистам.

Подводя итоги своего анализа стихотворения Пушкина, Жирмунский писал: «Мы рассмотрели стихотворение Пушкина в его отдельных приемах и общих стилистических особенностях. Сравнение его с другими стихотворениями поэта дает возможность говорить о стиле Пушкина» [Жирмунский 1977: 46]. И самое главное – о роли теории поэзии: «Мы стоим, таким образом, перед самыми существенными вопросами исторической поэтики; от правильной постановки этих вопросов зависит истолкование основных явлений русской поэзии XVIII и XIX вв. Но обойтись без помощи теории поэзии при их разрешении – невозможно. Только теория поэзии может указать нам основные особенности метонимического стиля и внутреннюю связь между отдельными приемами этого стиля» [Жирмунский 1977: 47].

Бахтин не упоминает пушкинских разборов Белого, но их тональность, его подходы (в том числе стиховедческие) ему ближе. Один пример: «Но все эти противоборствующие выраженные реакции действующих лиц объемлются единым ритмом (в трагедии ямбическим триметром), придающим некоторый единый тон всем высказываниям, приводящим их все как бы к одному эмоционально-волевому знаменателю, ритм выражает реакцию на реакцию, единую и однообразную чисто формально-эстетическую реакцию автора на все противоборствующие реалистические реакции героев, на все трагическое событие в его целом, эстетизуя его, вырывает из действительности (познавательно-этической) и художественно обрамляет его. Конечно, ямбический триметр не выражает индивидуальную реакцию автора на индивидуальное же событие данной трагедии, но самый общий характер его установки по отношению к происходящему, именно эстетический (вся трагедия, за исключением почти одних хоров, написана триметром), выполняет как бы функцию рампы: отделять эстетическое событие от жизни. Как известно, внутри определенной метрической структуры ямбического триметра возможны некоторые ритмические вариации – отклонения...» [Бахтин 2003: 76].

Итогом бахтинского разбора стихотворения Пушкина стало очередное подчеркивание верховенства эстетического, о чем не раз писал Белый. Но при всей близости в некоторых моментах подходов к поэтическому тексту Жирмунского и Бахтина, вывод Бахтина отличается от вывода Жирмунского: «Эстетическое творчество преодолевает познавательную и этическую бесконечность и заданность тем, что относит все моменты бытия и смысловой заданности к конкретной данности человека – как событие его жизни, как судьбу его. Данный человек – конкретный ценностный центр архитектоники эстетического объекта; вокруг него осуществляется единственность каждого предмета, его целостное конкретное многообразие (случайно-роковое с точки зрения смысла), и все предметы и моменты объединяются во временное, пространственное и смысловое целое завершеного события жизни» [Бахтин 2003: 87].

Бахтин ставит в центр всей своей эстетической («эстетизованной», на языке ученого) системы человека. И эта идея, во многом воспринятая от символистов, французских и русских, в том числе Андрея Белого, предопределила все дальнейшие построения в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Это подчеркивается в ключевых для ее названия словах «эстетическая деятельность».

Рассуждая о проблеме автора и героя (здесь много аспектов, остановиться на которых нет возможности в рамках данной статьи), Бахтин порой пишет в духе и стилистике, напоминающей Белого: «И автор не сразу находит не случайное, творчески принципиальное видение героя, не сразу его реакция становится принципиальной и продуктивной и из единого ценностного отношения развертывается целое героя: много гримас, случайных личин, фальшивых жестов, неожиданных поступков обнаружит герой в зависимости от тех случайных эмоционально-волевых реакций, душевных капризов автора, через хаос которых ему приходится прорабатываться к истинной ценностной установке своей, пока наконец лик его не сложится в устойчивое, необходимое целое. Сколько покровов нужно снять с лица самого близкого, по-видимому, хорошо знакомого человека, покровов, нанесенных на него нашими случайными реакциями, от-

ношениями и случайными жизненными положениями, чтобы увидеть истинным и целым лик его. Борьба художника за определенный и устойчивый образ героя есть в немалой степени борьба его с самим собой» [Бахтин 2003: 89–90].

У Бахтина встречается словарь символистов: «хаос», «гримасы», «личины», «маска». Темы «покрова», «снятия покрова» тоже неразрывно связаны с природой символизма и с Белым: «...второй класс процессов творчества и очерчивает, собственно говоря, область искусства в точном смысле слова; то, что отделяет его от реалистического символизма, есть покров, занавешивающий от художника мировую тайну единства (покров Майи). Здесь образ божества дан как бы под вуалью идеализма. Так получает искусство скрыто-религиозный смысл» [Белый 1994: 163]. Возможно, эти слова, пройдя символистское горнило, стали позднее общеупотребительными. Как «бездны» до этого (Б. Пастернак).

В целом ряде статей, в том числе «Магия слова» (1909), не в той терминологии, что у Бахтина, но интуитивно Белый подошел к тому, что главное у Бахтина, – человек. Выше уже цитировалось: «Данный человек – конкретный ценностный центр архитектоники эстетического объекта» [Бахтин 2003: 87]. Белый пишет о сходном, но еще и о диалоге как неизменной части не только художественного произведения, но и творческого процесса: «Назначение человечества в живом творчестве жизни; жизнь человечества предполагает общение индивидуумов; но общение – в слове, и только в слове» [Белый 1994: 229]. От этого положения – один шаг до бах-

тинских положений о слове, слове в романе и к тому, что он называл социальным различием. На языке Белого бахтинские идеи были предвосхищены так: «Всякое общение есть живой творческий процесс, где души обмениваются сокровенными образами, живописующими и созидающими тайны жизни. Цель общения – путем соприкосновения двух внутренних миров зажечь третий мир, нераздельный для общающихся и неожиданно углубляющий индивидуальные образы души» [Белый 1994: 229]. Белый предвосхищает также бахтинскую концепцию слова и языка, идеи его работы «Слово в жизни и слово в поэзии»: «Поэтическая речь и есть речь в собственном смысле; великое значение ее в том, что она ничего не доказывает словами; слова группируются здесь так, что совокупность их дает образ; логическое значение этого образа неопределенно; зрительная наглядность его неопределенна также, мы должны сами наполнить живую речь познанием и творчеством; восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству; в каждом живом человеке эта речь вызывает ряд деятельностей; и поэтический образ досоздается – каждым образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» [Белый 1994: 229–230].

Эти и другие переключки Бахтина с Белым (осознанные или подсознательные, восходящие к эпохе) свидетельствуют о влиянии, которое оказал поэт-символист на ученого. Конечно, эти влияния восходят не только к Белому, но и к традициям западноевропейской философии и эстетики, но это тема других специальных исследований.

Литература

- Алпатов, В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 432 с.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Русское слово, 2003. – Т. 1. – 955 с.
- Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. / А. Белый. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 487 с.
- Библер, В. С. М. М. Бахтин, или Поэтика культуры / В. С. Библер. – М. : Прогресс, 1991. – 176 с.
- Бонецкая, Н. К. Между Логосом и Софией (Работы разных лет) / Н. К. Бонецкая. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 576 с.
- Давыдов, В. Л. «Систематическое понятие» (заметки к истории Невельской школы) / В. Л. Давыдов // Невельский сборник: Статьи, письма, воспоминания. – СПб. : Акрополь, 1996. – Вып. 1. – С. 75–88.
- Давыдов, Ю. Н. «Трагедия культуры» и ответственность индивида (Г. Зиммель и М. Бахтин) / Ю. Н. Давыдов // Вопросы литературы. – 1997. – № 4. – С. 91–125.
- Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1977. – 407 с.

- Клинг, О. А. Концепция «преодоления символизма» и ее отражение в оценке В. М. Жирмунским литературоведческого наследия русских символистов / О. А. Клинг // Новый филологический вестник. – 2019б. – № 3 (50). – С. 76–83.
- Клюева, И. В. М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек / И. В. Клюева, Л. М. Лисунова. – Саранск : [б. и.], 2010. – 468 с.
- М. М. Бахтин как философ : сб. статей / отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
- М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 1. – 552 с.
- М. М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. – СПб. : РХГИ, 2002. – Т. 2. – 712 с.
- Махлин, В. Л. Михаил Михайлович Бахтин / В. Л. Махлин. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – 440 с.
- Николаев, Н. И. Искусство и ответственность. Комментарий / Н. И. Николаев // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Русское слово, 2003. – Т. 1. – С. 347–351.
- Попова, И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы / И. Л. Попова. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 463 с.
- Поэзия французского символизма / под ред. Г. К. Косикова. – М. : Издательство МГУ, 1993. – 507 с.
- Сломский, В. Михаил Михайлович Бахтин – философ известный и неизвестный / В. Сломский. – Брест : БрГУ, 2013. – 155 с.
- Тамарченко, Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция / Н. Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной, 2011а. – 400 с.
- Тамарченко, Н. Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества / Н. Д. Тамарченко // Вопросы литературы. – 2011б. – № 1. – С. 291–340.
- Emerson, C. The First Hundred Years of M. Bachtin / C. Emerson. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 293 p.
- Liapunov, V. Notes / V. Liapunov // Bakhtin M. M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays / eds. M. Holquist and V. Liapunov. – Austin : University of Texas Press, 1990. – P. 2–3.
- Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory / ed. by C. Brandis, G. Tikhanov. – Oxford : Macmillan Press, 2000. – 207 p.

References

- Alpatov, V. M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 432 p.
- Bakhtin, M. M. (2003). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works in 7 vols.]. Moscow, Russkoe slovo. Vol. 1. 955 p.
- Belyu, A. (1994). *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma: v 2 t.* [Critique. Aesthetics. Theory of Symbolism, in 2 vols.]. Moscow, Iskustvo. Vol. 1. 487 p.
- Bibler, V. S. (1991). *M. M. Bakhtin, ili Poetika kul'tury* [M. M. Bakhtin, or the Poetics of Culture]. Moscow, Progress. 176 p.
- Bonetskaya, N. K. (2018). *Mezhd u Logosom i Sofiey (Raboty raznykh let)* [Between Logos and Sophia (Works from Different Years)]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 576 p.
- Brandis, C. Tikhanov, G. (Eds.). (2000). *Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory*. Oxford, Macmillan Press. 207 p.
- Davydov, Yu. N. (1997). «Tragediya kul'tury» i otvetstvennost' individa (G. Zimmel' i M. Bakhtin) [“The Tragedy of Culture” and the Responsibility of an Individual]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 91–125.
- Davydov, V. L. (1996). «Sistematicheskoe ponyatie» (zametki k istorii Nevel'skoi shkoly) [“Systematic Concept” (Notes on the History of the Nevel School)]. In *Nevel'skii sbornik: Stat'i, pis'ma, vospominaniya*. Saint Petersburg, Akropol'. Issue 1, pp. 75–88.
- Emerson, C. (1997). *The First Hundred Years of M. Bachtin*. Princeton, Princeton University Press. 293 p.
- Kling, O. A. (2019b). Kontseptsiya «preodoleniya simvolizma» i ee otrazhenie v otsenke V. M. Zhirmunskim literaturovedcheskogo naslediya russkikh simvolistov [The Concept of “Overcoming Symbolism” and How It Was Mirrored in V. M. Zhirmunsky's Evaluation of the Literary Studies of Russian Symbolists]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 3 (50), pp. 76–83.
- Klyueva, I. V., Lisunova, L. M. (2010). *M. M. Bakhtin – myslitel', pedagog, chelovek* [M. M. Bakhtin – Thinker, Teacher, Person]. Saransk. 468 p.
- Kosikov, G. K. (Ed.). (1993). *Poeziya frantsuzskogo simvolizma* [Poetry of French Symbolism]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 507 p.
- Liapunov, V. (1990). Notes. In Holquist, M., Liapunov, V. (Eds.). *Bakhtin M. M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays*. Austin, University of Texas Press, pp. 2–3.
- M. M. Bakhtin kak filosof: sb. statei [M. M. Bakhtin as a Philosopher: a Collection of Articles]. Moscow, Nauka. 256 p.
- M. M. Bakhtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bakhtina v ocenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli [M. M. Bakhtin: pro et contra. The Personality and Art of M. M. Bakhtin According to Russian and International Humanitarian Studies]. Saint Petersburg, RHGI. Vol. 1. 552 p.

M. M. Bakhtin: pro et contra. *Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [M. M. Bakhtin: pro et contra. The Art and Heritage of M. M. Bakhtin in the Context of International Culture]. Saint Petersburg, RHGI. Vol. 2. 712 p.

Makhlin, V. L. (2010). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya. 440 p.

Nikolaev, N. I. (2003). *Iskusstvo i otvetstvenost'*. Kommentarii [Art and Responsibility. Commentary]. In *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii, in 7 vols.* Moscow, Russkoe slovo. Vol. 1, pp. 347–351.

Popova, I. L. (2009). *Kniga M. M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury* [M. M. Bakhtin's Book about Francois Rabelais and its Significance for the Theory of Literature]. Moscow, IMLI RAN. 463 p.

Slomsky, V. (2013). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin – filosof izvestnyi i neizvestnyi* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin – the Known and Unknown Philosopher]. Brest, BrGU. 155 p.

Tamarchenko, N. D. (2011a). «*Estetika slovesnogo tvorchestva*» M. M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya [M. M. Bakhtin's "Aesthetics of Literary Art" and the Russian Philosophical and Philological Tradition]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi. 400 p.

Tamarchenko, N. D. (2011b). *Poetika Bakhtina i sovremennaya retseptsiya ego tvorchestva* [Bakhtin's Poetics and the Modern Reception of His Works]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 291–340.

Zhirmunsky, V. M. (1977). *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka. 407 p.

Данные об авторе

Клинг Олег Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51.

E-mail: okling@yandex.ru.

Author's information

Kling Oleg Alekseevich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory of Literature, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).